Глава 1

Что, это и есть та самая интересная штучка, ради которой Макаров его сюда затащил? Ну и ну. Таких штучек он уже навидался. Все они одного поля ягоды, и если чем и отличаются друг от друга, так это цветом обязательно кожаной юбки и длиной ног — опять же обязательно в черных ажурных колготках. У этой штучки, надо признать, ноги были не в пример длиннее, чем у всех остальных, которых он раньше видел. Зато красная кожаная юбка — не в пример короче.

Павел пару минут молча рассматривал барменшу, оживленно что-то говорящую единственному посетителю, пожал плечами и обернулся к другу:

— Володь, я пойду, наверное. Спать хочу. Завтра вставать рано, работы черт знает сколько, а я и так неделю не высыпаюсь.

— Паш, да ты чё? — зашептал Макаров и вцепился в его рукав. — С ума сошел? Спать… Пойдем, пойдем я тебя сейчас познакомлю! Не пожалеешь, вот увидишь… Хочешь, поспорим?

Павел совсем не хотел спорить с Володькой. И знакомиться с этой трясогузкой он не хотел, и вообще оставаться в этом заведении он больше не хотел. Тоже мне казино. Пародия. Впрочем, чего еще можно было ожидать? Если помнить о вкусах Макарова… А он о них забыл. Ну и сам виноват.

— Я тебе ключи оставлю, — сказал Павел, пытаясь высвободить свой рукав из пальцев этого любителя тря-

согузок. — Помнишь, где машина стоит? Да отстань ты от меня, я правда спать хочу…

— Сейчас расхочешь, — зловеще пообещал Макаров. — А машину мне нельзя оставлять, я уже пьяный. И еще напьюсь. Пойдем, кому говорю! Спорим, она тебе пару слов скажет — и все, и спекся, морально устойчивый ты наш…

Барменша вдруг захохотала, слегка откинувшись назад и картинно запустив пятерню в густую светло-каштановую кудрявую гриву, в тщательно продуманном беспорядке спадающую ей на плечи и спину. Как хоть она на этом табурете удерживается? Да еще так вертится… Наверное, долгая практика. Богатый опыт. Профессиональный навык.

— Видал? — Макаров толкнул Павла в бок, и тот сообразил, что стоит и, затаив дыхание, неотрывно смотрит на эту мартышку, беспечно качающуюся на слишком высоком и не слишком устойчивом табурете.

Мартышка что-то сказала посетителю — довольно пожилому лысоватому дядьке в зеленом пиджаке, — обернулась к ним и преувеличенно восторженно ахнула, раскинув руки, как для объятий.

— Какие люди! — заговорила-запела она, неуловимо плавным движением стекая со своего насеста.

Как капля свежего меда с ложки соскользнула, отметил Павел. Даже за стойку рукой не придержалась. Эквилибристка…

Барменша шла к ним неторопливой, даже ленивой, немножко танцующей походкой, подчеркнуто гордо развернув прямые плечи, слегка откинув голову на высокой и очень стройной шее, положив одну ладонь на бедро, а другой вороша на затылке буйные кудри. Мама дорогая, да на ней даже и не юбка… Это на ней красные кожаные шортики в обтяжку, да не просто шортики, а такие мини-шортики, что… А ноги такими длинными кажутся, наверное, из-за каблуков. Сантиметров по двадцать каблуки, не меньше. И как на таких ходулях бабы ходят? Да еще так красиво ходят, так…

— А? — торжествующе шепнул Макаров у него над ухом и заспешил навстречу барменше. — Зоя! Сладенькая моя! Рыба моя золотая! Дай нам скорей попить чего-нибудь вкусненького, а то я сейчас засохну прямо на корню… А вон тому обугленному молочка дай. Он у нас язвенник, трезвенник, зануда и к тому же за рулем! Нет, ты видала столько пороков в одном человеке? Паш! Иди сейчас же сюда, чё ты мнешься… Я тебя сейчас с рыбой моей сладенькой-золотенькой знакомить буду…

Павел стоял и с неожиданным для себя интересом наблюдал эту историческую встречу… друзей, по-видимому. Он заметил, как барменша, распахнув объятия, в последний момент, кажется, передумала обниматься, крепко прихватила Володьку за предплечья, удерживая на расстоянии, и, вся сияя от радости по поводу такой счастливой встречи, звонко чмокнула воздух возле его щеки. И Володька не порывался к большему интиму, он и тому, что ему обломилось, был искренне рад. Странно, удивился Павел. Сроду Макаров крохами не пробавлялся. Тем более — при столь очевидном и откровенном интересе. Влюбился старый греховодник, что ли? Во кино было бы…

Барменша отпустила Володьку, с широкой улыбкой мельком глянула на Павла, повернулась к обоим спиной и пошла к стойке бара. Ох, ну и походочка у нее… Такую походку Макаров называл «все — за мной!». Да уж, та еще штучка… Но при всем при том в нем вдруг почему-то шевельнулось подозрение: смеется она над ними, вот что. Издевается, змея длинноногая. Длинноногая змея зашла за стойку, сняла с полки пару бутылок и обернулась, на несколько секунд застыв в позе чемпиона на пьедестале, — только с бутылками вместо кубков в высоко поднятых руках.

— Господа желают что-нибудь экзотическое? — многозначительно осведомилась она, улыбаясь, блестя зубами, играя бровями и ямочками на щеках, дразняще покачивая бутылки.

Зеленый пиджак одобрительно крякнул и стукнул стаканом о стойку:

— И мне, Зоенька! Чего-нибудь такого… Ну, ты сама знаешь. И себе сделай, угощаю!

— Ах, Толь Толич, что вы, в самом деле! Я же знаю, сколько это стоит… Я просто подавлюсь такими деньгами!

— Наливай, не разговаривай! — Зеленый пиджак, похоже, давно уже гулял. — Я плачу! И все, и никаких проблем, деньги — пыль…

— Спасибо, Толь Толич, — растроганно проворковала она. — Мне тогда шоколадку лучше, ладно? Шоколад — моя слабость. Почти е-дин-ствен-ная…

Да издевается, конечно. Павел искоса глянул на Макарова — нет, тот вроде все за чистую монету принимает. Как, впрочем, и Зеленый пиджак. И оба тают от восторга. Прямо лужами растекаются перед этой… штучкой. Перед этой раскрашенной, растрепанной, непристойно одетой — вернее, раздетой, — немыслимо вульгарной куклой.

— Какую шоколадку? — Зеленый пиджак шел вразнос. — Я тебе коробку самых дорогих… какие у тебя самые дорогие? Коробку… нет, две коробки конфет и… ты чего еще любишь?

— Ах, Толь Толич, я больше всего люблю… таких солидных гостей, как вы! — Она облокотилась о стойку, наклонилась, демонстрируя то, что мог открыть пытливому взору довольно глубокий вырез ее маечки в обтяжку.

Павел даже зажмурился и головой потряс. Это уже перебор. Он мог спорить на свою только что с таким трудом купленную квартиру, что эту сцену он уже в каком-то боевике видел. Один к одному, даже интонации у нее те же, киношные.

А зеленый придурок довольно ржал, и Макаров довольно ржал и уверял ее, что они тоже очень солидные клиенты, хоть этот зануда только молоко пьет, молокосос,

но пусть рыба золотая его простит, этот мерзавец в принципе мужик хороший, просто отличный мужик, а что молоко — так у каждого свои недостатки, он же не назло, а исключительно по глупости…

— Вы что, действительно не пьете? — Золотая рыба обернулась к Павлу и, как ему показалось, даже обрадовалась. Почему бы это? Ее задача — как можно больше спиртного продать… — Я вам могу молочный коктейль сделать. С шоколадом. Хотите? Или фруктовый. Разные соки и ягодки свежие. Вы малину любите? У меня малина есть за-ме-чательная! Только что с куста…

Павел смотрел на нее с подозрением. Человек, пьющий молоко или сок, солидным клиентом ни в одном подобном заведении считаться не мог. Что это она таким мелким бисером рассыпается? Может, у них здесь молочный коктейль стоит столько же, сколько бутылка коньяку?

— И мне с малиной, — подал голос Зеленый пиджак. — И всем с малиной. Угощаю. Всех!

— Ах, Толь Толич, и как вы только не разоритесь, я удивляюсь, — барменша тут же просияла и живо обернулась к нему. — Вы такой щедрый, я даже думаю, что вы какой-нибудь нефтяной олигарх!

А ведь она только что другим голосом говорила, спохватился Павел. Вот только что, две секунды назад, когда ему про фруктовый коктейль рассказывала. Он глянул на Макарова — тот сидел на высоком табурете, скалил зубы и не отрываясь следил, как эта Зоя что-то шустро смешивает, взбивает, добавляет и разливает по бокалам. Володька просто млел и ничего необычного, по-видимому, не заметил. Пиджак тоже откровенно млел. Чего хоть они млеют? Ведь не девка, а сплошная стыдобища… Даже если ее отмыть с песочком и одеть во что-нибудь нормальное — и тогда вряд ли человеком станет. Кукла с программным управлением.

Вот странно, он никак не мог сообразить, какое у нее лицо. Хотя что тут странного — на физиономии полкило

краски, наверное. Сколько ей может быть лет? Где-нибудь около тридцати, скорей всего. Плюс-минус пятилетка… Нет, судя по фигуре, ей и двадцати не дашь. Но судя по повадке — все сорок. Интересная штучка…

Ничего интересного. Все эти штучки примерно одинаковые, от шестнадцати до пенсии. Ну и черт с ними.

А что это он злится-то? Ему-то какое дело до них до всех? Ему эта Зоя абсолютно безразлична. Уже хотя бы потому, что Макаров перед ней слюни пускает.

Зоя поставила на стойку бокалы с каким-то пойлом, быстро бросила в каждый соломинку, насадила на края по ломтику киви и подвинула один Павлу:

— Это — для вас. Похвалите, если понравится, ладно?

Опять нормально говорит. Если глаза закрыть, так и за приличную женщину принять можно.

— Вам нехорошо?

Павел открыл глаза и встретился с ней взглядом. У куклы оказались внимательные, добрые, умные и встревоженные глаза.

— Меня зовут Павел, — сказал он, не отводя взгляда от ее глаз. — У вас глаза красивые.

Она растерянно моргнула, как-то очень по-детски приоткрыв не по-детски густо намазанные губы, хотела, кажется, что-то ответить, но тут Макаров воткнулся в обычной своей манере:

— Не, ну ты, Паш, даешь! Глаза красивые! А больше ничего ты у Зоеньки не заметил? Эх ты… У рыбы моей сладенькой что зад, что фасад…

Макаров потянулся через стойку, но сладенькая рыба снова каким-то неуловимым, скользящим движением миновала его руку и кокетливо засмеялась:

— Ах, Вова! Такой комплиментщик!

У нее получилось: «Ах, Фофа! Тыкой кымплименшчик!» Павел опять внимательно пригляделся. Ярко-алый рот у нее — до ушей. Ямочки на щеках играют, между крупных белых зубов дразняще мелькнул острый кончик розового языка… А глаза стали холодные, настороженные

и брезгливые-брезгливые… А ведь Макаров-то прав — штучка действительно, кажется, интересная.

В бар торопливо вошла молоденькая белокурая куколка в униформе заведения — темно-синяя прямая юбка до колен, белая строгая блузка с длинными рукавами, сине-белый клетчатый жилет подчеркнуто старомодного фасона и черный галстук-бабочка. И туфли у нее были нормальные, обыкновенные черные лодочки на не очень высоком каблуке. Прикид тоже, конечно, не для бомонда, но все-таки не красные кожаные шорты.

Куколка зашла за стойку и быстро зашептала что-то Зое на ухо. Павел только сейчас заметил: а ведь Зоя эта с него ростом будет, пожалуй. Вон как ей приходится наклоняться над куколкой… Точно, его роста: выпрямилась — и сразу заметно, что ее недовольные глаза почти на одном уровне с его глазами.

— Толь Толич! Вова! Павел! Я через несколько минут! — Зоя вышла из-за стойки и размашисто зашагала к двери.

Интересно, а эта походка как называется? Наверное, «всем — отстать!».

— Вы, мои рыбы золотые, с Анечкой повежливее тут…

Павел смотрел ей вслед, пока дверь за ней не закрылась, и даже потом еще смотрел, пока не услышал голос Анечки:

— Господа желают что-нибудь особенное? У нас есть фирменный коктейль, очень рекомендую. Все гости хвалят.

Хорошая барменша, наверное. Нормальная барменша. Ничего общего с этой оглоблей в красных трусах.

— Давай фирменный, лапуся моя, — покладисто согласился Макаров. — Нет, ты фирменный — мне, а этому черномазому — молочка кипяченого… Паш, ты куда?

— Я сейчас, — на ходу бросил Павел, торопливо выскакивая из бара и слыша, как издевательски заржал Макаров. Ну и черт с ним.

Куда она могла пойти? Из небольшого холла, не считая входной, вело четыре двери — в бар, в ресторан, в игровые залы и в служебные помещения. Вот эта самая дверь в служебные помещения только что захлопнулась. Посторонним, надо думать, вход запрещен. А кто сказал, что он посторонний? Может, он на работу наниматься пришел. Например, вышибалой…

А, нет… Вышибала у них уже есть, оказывается. Ничего себе лось. Вряд ли они такого променяют даже на Шварценеггера, не то что на всяких там с улицы… Молоденький, румяный, улыбчивый лось двухметрового роста как-то незаметно возник прямо перед Павлом, закрывая форменным клетчатым жилетом шестьдесят восьмого размера служебный вход.

— Вы чего-нибудь желаете? — доброжелательно спросил он, похлопывая наивными светло-серыми глазками. — Чем могу помочь?

— Девушка, — быстро и деловито заговорил Павел. — Зоя. Из бара. Она ушла, а я должен остался, а другая пришла — и не знает, сколько. Что ж, не расплатившись уходить, что ли? Я к этому не привык.

— А, — сказал двухметровый лось и опять похлопал глазами.

Не такие уж у него наивные глаза, оказывается. На самом дне этих прозрачных детских глаз Павел заметил понимание и легкую усмешку.

— Вы не беспокойтесь, Зоя скоро вернется. Ее в ресторан позвали.

— Зачем? — не удержался Павел.

— А вы зайдите, посмотрите, — предложил парень, уже совсем откровенно улыбаясь. — Она через минуту там будет.

Павел подумал, пожал плечами и пошел к двери, которая вела в ресторан.

Он вошел как раз в тот момент, когда небольшой оркестр — аккордеон, ударник и две гитары — только-только начинал шлягер его детства «Во французской сто-

роне, на чужой планете». Зал перестал пить, закусывать и галдеть, даже вилки не звякали, даже зажигалкой никто не щелкнул, и все до единого с выражением радостного ожидания повернулись к небольшой, но довольно высокой эстрадке в дальнем конце. Что это они? Неужели у всех до одного здесь одни и те же музыкальные вкусы?

А, нет. То есть вкусы-то одни, но вряд ли музыкальные. Музыканты, не переставая играть, отступали назад, освобождая пространство эстрады, и на это пространство по боковой лестнице не спеша поднималась Зоя. Теперь на ней, в дополнение к черной блестящей маечке в облипку, красным кожаным шортам, черным ажурным колготкам и черным же туфлям на ужасающей платформе и еще более ужасающих каблуках, были огромная красная крупноячеистая шаль с толстыми длинными кистями, пучок лохматых красных цветов в волосах за ухом и большие круглые очки — вернее, черная пластмассовая оправа от очков. Приоделась на выход, стало быть.

Она не просто поднималась по ступенькам, а что-то делала при этом такое — ногами, руками, спиной, плечами, шеей, даже абсолютно неподвижным, застывшим в тупом упрямстве лицом, — что было совершенно ясно, как она этого не хочет, как ей противно то, что ее ожидает, как ее сюда просто на веревке тянут… Павел нахмурился. Ну не нравится тебе — и не выходи позориться перед народом. Не на веревке же, действительно, тянут…

Зоя поднялась на возвышение, не глядя в зал, неохотно сделала под музыку несколько шагов — шаг вперед, два шага назад, — остановилась посреди эстрады спиной к залу, опираясь левой рукой о бедро, запустив пальцы правой в шевелюру под охапкой красных цветов, будто невольно подрагивая коленом в такт музыке, слегка притопывая носком туфли… Наверное, она что-то такое показала музыкантам мимикой, потому что все они дружно расплылись в улыбках, засверкали глазами, затрясли нечесаными гривами, а ударник от полноты чувств рассыпался по своим тарелкам-барабанам восторженной дро-

бью сложнейшего рисунка… Только что лбом в барабан не бил. Ресторан возбужденно шевельнулся, вздохнул и опять замер.

Зоя начала танцевать. Вообще-то она начала танцевать еще на нижней ступеньке лестницы, ведущей на эстраду, сообразил Павел. Это она песню так танцует. «Предстоит учиться мне в университете…» Это она показывала, как ей не хочется на чужую планету. Как ей невыносима мысль о расставании с друзьями и подружками. «Сердце бедное свело болью и печалью…» До чего выразительно танцует. Гибкая, как веревка. Потрясающее тело. Невероятное тело. Просто не человек, а форель на перекате. Рыба моя золотая… И ведь что удивительно — она, если вдуматься, почти не двигалась с места. Но как раз вдуматься в этот нюанс не было никакой возможности, потому что этот странный танец-пантомима напрочь отшибал способность думать, приковывая, завораживая, вгоняя в транс, как танец кобры под дудочку факира. Павел однажды видел этот фокус. Змея поднималась из корзинки, неуловимо плавно разворачивая кольца, скользяще текла вверх, слегка покачиваясь из стороны в сторону, и взгляд у нее был неподвижный, холодный и презрительный — ну, точно такой же, как у Зои…

А танец-то изменился! Эта змея уже незаметно вытекла из корзины, уже освободилась от власти факира, вырвалась на волю и стала опасной. Уже не она двигается под музыку, а музыка послушно и почти испуганно следует за ритмом ее танца, вон и музыканты опасливо жмутся в стороны, но продолжают играть, как завороженные, спеша за ней, догоняя ее, боясь отстать… И она уже даже не змея, а вообще черт знает что такое, фурия какая-то, стихийное бедствие, причем буйнопомешанное стихийное бедствие. В каждый такт она укладывала полдюжины движений — руками, ногами, плечами, головой, шалью этой дырчатой… Шаль летала вокруг нее, над ней, стелилась по полу, трясла кистями перед восторженными физиономиями зрителей — Павел только сейчас заметил,

что к эстраде незаметно подтянулся народ из тех, кто заказывает музыку. Некоторые просто на эстраду деньги кидали, некоторые тянули к Зое лапы с зажатыми в них бумажками. Ну да, ради этого и было затеяно все представление.

Павел тряхнул головой, медленно приходя в себя, оглянулся — зал орал, хлопал в ладоши и всячески соучаствовал в действе. Массовый психоз. Сейчас все будут заказывать еще по двести пятьдесят, а потом еще, а потом потребуют, чтобы она им еще сплясала… Для того и держат ее здесь. Что ж, очень грамотно. Молодцы. А ему давно пора быть дома.

Но он не удержался, глянул на нее еще раз — последний раз, все равно он сюда больше никогда не придет, так почему бы последний раз не глянуть…

Танец опять изменился. Теперь это было что-то среднее между ламбадой, канканом, забытым нынче твистом и разухабистым трепаком. Это было вызывающе вульгарно. Это было такое безобразие… Толпа у эстрады ревела от восторга, заглушая музыку, и все новые восхищенные зрители вскакивали из-за столов, топали к эстраде как носороги, натыкаясь друг на друга, на официантов и на подвернувшиеся на пути столы и стулья.

Павел поморщился, отвернулся, пошел к дверям, но опять остановился, оглянулся невольно, ловя взглядом это дрыгоножество… И вдруг неизвестно почему совершенно ясно понял: а ведь она действительно смеется над ними всеми. И танец этот ее непристойный — просто очень откровенная карикатура на то, что нынче показывают по всем телеканалам во всех шоу. До такой степени откровенная, что и не поймешь сразу, что это карикатура. И выполненная на таком уровне… Павел видел однажды шарж очень талантливого художника на очень некрасивого — самого по себе — человека. Шарж был невероятно точен, немножко зол и — прекрасен в своем безобразии. Как танец этой странной барменши. Интересная штучка…

Танец оборвался резко, будто его выключили, — и музыку, и движения одновременно. Тоже, наверное, все специально рассчитано — вон как толпа взвыла, сейчас они последнее готовы отдать, только бы она еще поплясала. Как наркоманы за свою отраву… Трое даже на эстраду полезли. Сейчас ее шаль на сувениры рвать будут. Или автографы просить? Ну да, звезда эстрады.

Нет, похоже, не обломится сегодня фанатам автографов. Вон как звезда эстрады от них шарахнулась… И музыканты сразу кинулись ей на выручку, выступили вперед, спрятали за собой. И какой-то амбал в форменном клетчатом жилете — еще один вышибала? — взялся ниоткуда, поймал самого активного любителя искусства в могучие объятия, заботливо помог спуститься с эстрады. Любитель искусства брыкался и тряс пачкой сотенных, что-то требовал и обижался.

А Зои там уже не было. Оставила на полу свою дырчатую шаль, эту рыбачью сеть, этот плащ матадора, а сама незаметно исчезла в общей суете. Зрители негодовали.

Один из гитаристов взял микрофон и шагнул к краю эстрады:

— Господа! Зоя не будет больше танцевать. Кто-то из вас ее обидел.

Шум сразу стих, и в напряженной тишине громко прозвучал молодой, почти мальчишеский, пьяный голос:

— Ды ла-а-адно тебе! Обидели ее… За всё заплачено! Вот…

Парень бросил к ногам гитариста несколько смятых бумажек, а тот тяжело глянул на него и с подчеркнутым сожалением сказал в микрофон:

— Кто-то из вас так сильно обидел Зою, что она больше не будет танцевать. Может быть, вообще больше никогда не будет…

Павел повернулся и пошел к выходу из ресторана. Наверняка отработанный прием! Знаем мы этих интересных штучек с их интересными штучками. Покочевряжится маленько, подождет, когда еще сотню-другую под

ноги кинут, — и выйдет. Ему на это наплевать. Ему давно домой пора.

Он вышел в холл, остановился, раздраженно раздумывая, предупредить Макарова, что уходит, или фиг с ним… И тут услышал за дверью, ведущей в служебные помещения:

— Скотина. Мерзавец. Подонок. Гадина. — Голос Зои. — Не могу больше. Рыла эти пьяные…

— Не плачь. — Голос вышибалы с наивными глазами. — Хочешь, я ему грабли поломаю? Не будет протягивать…

— Перестань, Андрюш, — слегка раздраженно сказала Зоя. — Он не будет — другой кто-нибудь сунется. Какая разница? И грабли ломать ему не надо — Семеныч обидится. Этот ублюдок чуть не каждую ночь здесь… Прошлый раз двенадцать штук продул, представляешь? Такой клиент — а ты грабли ломать. Колготки порвал, сукин сын. И синяк уже вылез… Скотина. Гадина. Подонок.

— Поломаю я ему грабли, — хмуро сказал Андрюша. — Потерпит Семеныч. Не плачь, Зой… Куда я платок дел? А, вот… Возьми, у тебя глаза размазались.

Павел стоял, затаив дыхание, и некоторое время слушал неясный шорох за дверью. Она что, правда плачет, что ли? А голос совершенно спокойный.

— Так нормально, — сказал наконец Андрюша. — А грабли я ему все равно поломаю.

— Не надо, — устало сказала Зоя. — Вот еще, руки марать… Ты вот что, ты лучше этому гаду насчет Сережи намекни. Что-нибудь вроде того, что, мол, не дай бог, Зоя Серому пожалуется… Ну, ты сам знаешь, как лучше.

— Уж я намекну, — пообещал Андрюша. — Я ему скажу, что Серый как раз за тобой приехал. В машине ждет. Сказать?

— Скажи… — Зоя шмыгнула носом. — А он правда приехал?

— Машина стоит… — Андрюша помолчал, вздохнул и добавил: — Может, правда Серому сказать? А то вообще уже…